

В. Я. БРЮСОВ

«Ад». Песнь I

Песнь первая

На полдороге странствия земного
Себя увидел я в лесу глухом,
Затем что сбился я с пути прямого.

О, как же трудно описать стихом
Тот мрачный лес, столь дикий и глубокий,
Что я дрожу при мысли лишь об нем!

Едва ль страшней миг смерти недалекой.
Но, так как благо я в лесу обрел,
Скажу, что раньше видело там око.

Не вспомнить мне, как я спустился в дол:
Я словно сонным шел по бездорожью,
Когда с дороги истинной сошел.

Но, наконец, я подступил к подножью
Холма, где тот заканчивался бор,
Который сердце мне наполнил дрожью, —

И к озаренным высям поднял взор,
Уже одетым в свет того светила,
Чей луч ведет отвсюду на простор.

Сиянье это ужас мой смирило,
Что в озере души всю ночь стоял,
Пока меня отчаянье томило.

Как человек, что, задыхаясь, встал
На берег, выйдя из морской пучины,
Глядит назад и видит грозный вал, —

И дух мой так, покинув дно долины,
Еще дрожа, глядел назад, где мгла,
Откуда жив не вышел ни единый.

Когда ж усталость несколько прошла,
Стал подниматься я на склон отлогий;
Ногой опорной низшая была.

И вот, на первых же шагах дороги, —
Пятнистой шкуры выставив наряд,
Пантера, легкий зверь и быстроногий,

Бесстрашно встретив мой упорный взгляд,
Она мне путь столь грозно заступала,
Что я не раз бежать хотел назад.

Был ранний час, и солнце поднимало
С тем сонмом звезд свой лик на высоту,
Как в оный день, когда Любви Начало

Впервые двинуло их красоту.
Меня бодрило многое в невзгоде:
Убор пантеры, тешаций мечту,

Час дня и месяц, всех нежнее в годе, —
Но был охвачен ужасом былым
Я, льва увидя на пустынном восходе.

Поднявши голову, алчбой томим,
Ко мне как будто он стремил движенья,
И воздух словно трепетал пред ним.

За львом волчица шла; все вожделенья,
Казалось, в худобе своей тая,
Она уж многим принесла мученья!

Под тяжестью сдавилась грудь моя:
Столь властный страх ее метали взгляды!
На высь надежду вновь утратил я.

Скупец, уперно собиравший клады,
Теряя их, и плачет, и дрожит,
Ни в чем себе не ведаая отрады.

И я, в тот час, имел такой же вид,
Когда, за шагом шаг, без состраданья,
Зверь гнал меня туда, где день молчит.

Я в дол срывался, где познал блужданья,
И некто вдруг явился предо мной.
Без голоса от долгого молчанья

Казался он; к нему, в глуши лесной,
«О, сжался ты над мною! — возопил я, —
Кто б ни был, тень иль человек живой!»

В ответ: — «Не человек, но оным был я.
Меня отец ломбардец породил,
И Мантуанца прозвище носил я.

Поэт я был; воспет мной благочестный
Анхисов сын, кто кинул Илион,
Когда был Трои град сожжен чудесный.

Но почему вспять шаг твой обращен,
К печалаям всем, а не к прекрасным горам?
Путь и начало всяких благ — сей склон!»

«Ужель Вергилий ты, тот ключ, в котором
Берет исток река великих слов?» —
Так я ответил, со смущенным взором.

«О, честь и светоч всех других певцов!
Да значат мне любовь к тебе и рвенье
Вникать усердно в смысл твоих стихов!

Учитель мой! мой образец! Творенья
Твои мне дали тот хороший слог,
Которым мог снискать я одобренья.

Се — зверь, меня что гонит без дорог!
Мудрец прославленный! Меня избавить
Ты в силах: я дрожу и изнемог!»

«Иным путем ты должен шаг направить, —
Ответил он, в слезах мой видя лик, —
Коль ты готов сей дикий край оставить.

Зверь, у тебя что исторгает крик,
Не терпит на своем пути другого,
А кто противится, тот гибнет вмиг.

Он нрава столь свирепого и злого,
Что ввек не насыщает свой живот,
Но, глад насытив, больше алчет снова.

Совокупляясь, много привлечет
Зверей еще он, не придет доколе
Пес, что его, в мученьях, загрызет.

Питаньем Псу не серебро, не поле,
Но мудрость, добродетель и любовь,
И край от Фельтро к Фельтро будет долей.

Несчастную Италию он вновь
Спасет, за кою девушка Камилла,
Турн, Эвриал и Нис пролили кровь.

Через грады все его погонит сила
Волчицу и низвергнет в самый Ад,
Ее откуда зависть возродила.

Но должен ты, — мой это видит взгляд, —
Идти за мной; я буду твой водитель
Через царства вечные, а не назад.

Прискорбных стонов узришь ты обитель,
Страданья древних душ, что тщетно ждут,
Чтоб снова смерть пришла как избавитель.

И узришь тех, что в пламени живут
Счастливыми, надеждой утешаясь,
Что в круг блаженных и они войдут.

Коль жаждешь к ним взнестись ты, возвышаясь, —
Душа придет достойней, чем моя:
Ей поручу тебя, расставаясь.

Тот Властелин, кто держит те края,
Не хочет, чтоб туда я был вожатый:
Ведь был врагом Его закона я.

Царит Он всюду: там — его палаты,
Его престол, Его нетленный свет.
Блаженны те, кто в этот град прияты!»

И я ему: «Молю тебя, поэт,
Во имя Бога, коего не знал ты!
Чтоб минул я и тех и горших бед,

Веди меня в те царства, что назвал ты,
Чтоб стал у врат я, пред Петром святым,
И зрел несчастных, коих описал ты!»

Он двинулся, я вслед пошел за ним.

